

zeBC

ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ

ЗЕВС

РОМАН

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С12

Оформление серии *П. Петрова*

Иллюстрация на переплете *И. Крюкова*

Фото Игоря Савельева на переплете – из архива автора

Все персонажи, события, имена и названия в этой книге являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми и событиями случайно.

Савельев, Игорь.

С12 Зевс : роман / Игорь Савельев. — Москва : Эксмо, 2015. — 288 с. — (Проза отчаянного поколения. Игорь Савельев).

ISBN 978-5-699-75642-1

Главный герой романа Кирилл – молодой инженер авиации – вынужден постоянно задавать себе вопрос: кто он? Почти античный герой, «повелитель молний», как его уже начинают называть, молодой гений – продолжатель традиций Туполева и Королева – или лузер по меркам современной Москвы и России?.. Любящий и заботливый муж своей беременной жены – или человек без сердца и совести?.. Служитель великого дела – или бездельник из умирающей советской конторы?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-75642-1

© Савельев И., текст, 2014
© Крюков И., иллюстрация
на переплете, 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

I

— Алло! Алло! Кир, ты?..

Если бы Кириллу рассказали десять лет назад — он посмеялся бы. Рассказали, что он не въедет в слово «Кир» (а едва не въедет в раскосый «Инфинити», передутый-перегнутый: создателю явно изменило чувство вкуса). Что ему послышится «Кирдык». Вот тоже, подзабытое татарское словечко.

А взял он трубку, выщипнул двумя пальцами из кармана узких брюк, трепетно, боясь, что ускользнет, — только потому, что могли позвонить насчет сегодняшнего. Сказать, что церемония переносится из МГУ. Что церемонии не будет. Что. Что угодно. Что в офисе фонда идут обыски, опера в штатском сверкают застиранными китайскими трусами (Кирилл однажды был понятым, и это неприятно запомнилось: молодчики из ОБЭПа часами сидели перед ним на корточках над какими-то коробками и нижними ящиками шкафов, из-под ремней торчали эти китайские трусы) — и заплаканная секретарша обзванивает всех, кто едет на сегодняшнее вручение. Поэтому первый звонок — пропустил. Как загнанный конь, косил глазом на дисплей.

Игорь Савельев

Михалыч. Подумаешь, Михалыч! На работе точно не могло случиться ничего чрезвычайного?.. Вторым звонить, минут через пятнадцать, с незнакомо-го номера, мог кто угодно, включая и заплаканную секретаршу фонда. Поэтому, чертыхаясь, пришлось. С непривычки Кирилл едва не впечатался в упомянутую «Инфинити», в панике вильнул туда, где его едва не снес «Икарус-Турист». Взревел, рыкнул, обдав пахучим черным дымом. Хлопающая крышка багажного отсека, детские кубики фар. Господи, откуда?.. Врубив «аварийку», словно выбросив белый флаг, Кирилл съехал на обочину. Не убиваться же, и не убивать машину Яны из-за каждого звонка.

Ради бога, алло!..

— Это Кирилл?..

Да, все так и есть: некуда больше спешить, надо разворачиваться (но где, у подножия эстакады, несокрушимой, как пирамида Хеопса?), — все кончилось, все отменилось, — если бы не... Мужской голос в трубке, странно знакомый, никак не мог принадлежать испуганной секретарше, но это-то чужь, главное, что сначала, до «Кирилла», к нему обратились — «Кир».

— Да. А кто это?

— Это Леша. Привет.

А Яна, кстати, не очень-то хотела давать машину — кажется. «В метро же уже нет давки? Езжай так?..» Они действительно проснулись поздно. Яна в последнее время вообще реже выезжала из дома, хотя до официального декрета полагалось еще несколько месяцев, — короче говоря, ничего еще

не полагалось, и даже живот не был виден. Но, может, даже ее циничные шефы почувствовали, что негоже беременной бегать по всяким бомжатникам или судам, где все друг на друга орут... Яна с этим никогда бы не согласилась, выскажи Кирилл это вслух. Когда выезды все-таки случались, то ею владел боевой настрой: подкрашивала глаза чуть ярче, чем прежде (любила синюю тушь), и даже, может, блузки выбирала чуть более тесные... Хотя бред. Блузки всегда одинаковы. Но тем не менее. Кириллу казалось, будто она кому-то что-то хочет доказать, пусть неосознанно. Он пошутил на эту тему пару раз. Яна отвечала, смеясь, рассказывала про однокурсницу, которая, как только узнала все в женской консультации, а речь не о месяцах шла — о неделях, тут же перестала краситься вообще, облачилась в халатик суповой расцветки, держалась за воображаемый живот, являла миру кротость и порицание... и даже испортила курсу выпускную фотографию, встав в первом ряду — монументом лицемерия.

Впрочем, больше испортил снимок какой-то мужик, случайно попавший в кадр в самом углу — на крыльце альма-матер, он пробежал мимо и при этом эффектно почесывал яйца.

А в первом ряду — декан, профессура. Все с парадными лицами.

Большая часть выпускников отрезала мужика.

Яна хохотала оглушительно и не отрезала. Больше того, эта деталь стала единственным пропуском снимку в долгую публичную жизнь: Яна, не терпевшая парадные построения («Утро перед казнью», —

Игорь Савельев

называла она их композиции, почерпнув это, кажется, у циников-фотографов), охотно и с гордостью показывала снимок гостям тех месяцев или, скорее, недель (потом надоело), и Кирилл хохотал вместе с нею.

В общем-то, в этой истории была вся Яна.

И если она не хотела давать ему машину, о чем, кстати, не сказала ни слова, то лишь потому, что Кирилл все еще крайне неуверенно чувствовал себя за рулем, и каждая вылазка на проспекты Москвы давалась ему крайне тяжело, с нервами в пробках (где тоже уметь надо двигаться) и бесконечно пропускаемыми дорожными развязками.

— ...Какой Леха?

В трубке рассмеялись — «Ну ты, Кир, и даешь!» — и все сразу стало понятно, как стрельнуло. Леха?.. Как, откуда?!

Как странно разговаривать с человеком, от которого не слышал ни слова столько лет. А еще где-то сентиментально писали, что все меняется, стареет, но голос у человека остается прежним. Да ни фиги!

Это еще и мучительно — говорить с таким человеком. Что надо ему сказать? Невыносимо медленно перебираешь по кирпичику порушенные мосты, со скрежетом начинаешь соображать, зачем ты вдруг понадобился...

— Ты в Москве? — номер на дисплее Кирилла был московский. — Проездом?

— Я тут уже три месяца живу, — Леха говорил это, казалось, с усмешкой, но почему-то эта усмешка получалась не слишком естественной.

— Да ты что... А что не звонишь?

— Ну вот же, позвонил...

Разговор откровенно буксовал. Оба остро это чувствовали. Мимо с ревом, с усилием полз тягач.

— Я тебя отвлекаю?.. Слушай, надо бы встретиться, поговорить, есть одно дело...

Растерянно выпав из беседы и уронив трубку в нагрудный карман (есть же внутренние у пиджака! — Кирилл не привык к костюмам), он некоторое время сидел, просто сжимая руль руками. Слева сплошным потоком шли машины, в стеклах мелко кололось солнце, несмотря на утро — уже свирепое; и кто-то кратко, на хриплой грани нажатия, просигналил, — кто, зачем?.. Оглядывался почти панически. Тени прошлого. Что-то на заднем сиденье, господи, что-то резко-синее, аж глаз дрыгнулся... Микрофон. Всего лишь микрофон. (Фу-ф.) Яна забыла. Надо скинуть ей смс, а то выдернут работать, а она подумает, что микрофон со всем прочим хламом валяется у оператора в машине... Ярко-синий колпак с логотипом телекомпании, так называемая «ветрозащита». В одном месте прогрызен (натурально: как будто мыши грызли, Яна так шутила, хотя на самом деле просто порвался поролон). Яне всегда приходилось думать, как повернуть микрофон так, чтобы эта сияюще белая дырка не попала в кадр...

Какое у него — вдруг — дело?! Даже странно. Три месяца в Москве и даже не захотел просто встретиться, хотя мог написать, они, кажется, все еще во френдах «ВКонтакте»... Впрочем, после того, что

Игорь Савельев

было... А ничего ведь не было. Просто лучшие друзья перестали быть друзьями, без объяснений, без мордобоя, хотя каждому было понятно почему. Когда Кирилл уехал из Казани, то обзавелся, конечно, новым номером, который нигде не светил, и каждый из прошлой жизни, кто хотел с ним связаться, просто писал в социальных сетях... Леха где-то же нашел. Он считал нужным именно позвонить. Все это странно. Надо выбираться.

Каждое сложносочиненное действие на дороге давалось мучительно (врубил поворотник, и к отбойнику, ждать). Все в Кирилле сжималось, и он не мог никак с этим справиться. Когда-то, сто лет назад, когда он ходил в автошколу... Кстати, с Лешей... У них еще было «окно» между последней парой и автодромом, свирепый инструктор на расхристанной, визгливой «шестерке» подбирал их у парка, и в то «окно» в том самом парке они зачем-то выпивали по «Балтике». Низачем. Просто глупое гусарство — сесть за руль подшофе. Свирепый инструктор не замечал, а скорее, просто делал вид, все ему было по барабану. В тот час с бутылками в парке они прятались от ментов в тенистом тупичке, там, в окружении сосен, лежали в земле три или четыре «Народных поэта» прошлого. Было место и для еще одного. Об этом рассказывали с иронией: как, бог знает когда, первый секретарь Татарского обкома пообещал, приберег это место, а оставшийся в живых Народный, уже с нежнейшим от старости, в пигментных пятнах, черепом, все никак не мог умереть и пережил 1995 год, ког-

да закон о погребении запретил хоронить вне кладбищ...

На том незанятом месте и пили. Потом шагали, обильно делясь мятной жвачкой, ловили «шестерку»... и Кирилл обмирал, когда на автодроме, задним ходом и с медленной дрожью всего стального тела, сшибал стенки условного гаража, и падали железяки. Они летели на асфальт с таким грохотом, что вместе с ними обрывалось сердце.

Он так и не привык.

Свирепый инструктор, что любопытно, уже на второй день выгнал его на улицы города, как ребенка бросают в воду — давай выплывай, — а сам смотрел в окошко с якобы равнодушием, лишь иногда с матерком перехватывая руль; Яна же явно за него боялась. Ну, по крайней мере, переживала. Московские дергания в пробке на шесть полос кого угодно доведут до инфаркта.

— Я так и не начну ездить, если не буду ездить, — весело угрожал он.

— А зачем тебе, когда есть я? Персональное такси, сэр! — весело отвечала она.

В сплошной веренице машин появилась дыра, выжал газ... Сегодня Яна, кстати, все-таки не промолчала, с легчайшей долей иронии спросила: да не быстрее ли на метро, до Воробьевых гор? — быстрее вдвое. Это Кирилл знал, но ничего не ответил.

«Интеллектуальный центр» МГУ был хорош только тем, что от него открывался вполне парадный вид на главную университетскую высотку, будто подбирающую пышные юбки; впрочем, ракурс

Игорь Савельев

настолько засмотренный, что «живьем» глядеть в ту сторону даже незачем. Сам же «центр» являлся, кажется, новоделом, но без всякого проблеска новизны — приземистый мавзолей, завернутый в толстые-претолстые слои белого мрамора; восточная сладость рашидовского пошиба. Это смотрелось тем более странно, что на этой стороне Воробьевых гор его окружали безликие долговязые «свечки», а вокруг них — ветреные пустыри, заборы строек. Болотце рукотворное на выезде со стройки (новое поветрие в Москве — строго-настрого велено мыть колеса техники, для чего разводились эти глинистые кисели). У гранитных кубов и шаров, которые не покатаются с фундамента даже в случае апокалипсиса, кучковался народ, больше не в костюмах, а просто в белых рубашках. Длинные волосы, лежащие массивно-блестяще, как в рекламе: как сытый питон на плече. Стильные очкарики, которые знают, что они *стильные* — эпоха школьных комплексов и унижений пройдена и забыта (и проклинаема в комплекте с «лихими девяностыми» в унисон пропаганде), а может, ее и не было никогда. Крамник-style. Видел Кирилл и знакомые лица. Он неожиданно талантливо запарковался в узенький проем меж двух хищнорылых белых «Седанов», которые не без труда можно было различить лишь едва уловимой разницей в фарах, да логотипами. Можно подумать, что чертежи спускает в разные страны и заводы единая небесная инстанция.

Щелкнул замками. Неторопливо. Наискосок взбирался по ступеням, вытянутым как струны. Ле-

нивые подоби́я рукопожатий. Скорее — шлепки ладонь в ладонь.

— Ну как тут?

— Ничего. Геновского не видать.

— А то Интерпол уже устроил засаду в гардеробе, — вклинился в разговор незнакомый парень, тянувший тонкую сигаретку. Типа пошутил. Молодец, да.

— Твоя?

— А-ха, — ответил Кирилл как можно небрежнее, как можно менее оборачиваясь на автостоянку.

Как церемонно говорили киношные немцы в советском кино, «важно понять всю сложность его положения». Олигарха Геновского. Евгений Геновский, благодаря нехитрой игре имени-фамилии известный в определенных кругах просто как Ген, был владельцем не только металлургического гиганта, но и фонда поддержки молодых ученых. Фонд работал довольно давно. Еще на старших курсах Казанского авиационного Кирилл раз оказался в его стипендиатах, но вообще со студентами все было несерьезно: любой отличник мог подписать любую бумажку на кафедре, досочинять за ученика про «значимость» своих работ, сдать, получить штуку к основной стипендии и вяло подняться на сцену, принять вялое пожатие ректора. Премии фонда — для действующих ученых — уже котировались. «Туполев» подавал документы Кирилла дважды или трижды. И вот случилось. Случилось надеть костюм.

Интригу создавало то, что буквально три-четыре дня назад с Геновским разразился туманный

Игорь Савельев

скандал. Никто не мог ничего понять: начались невнятные статьи в «Коммерсанте», последовал побег в Лондон, его бодро отрицала пресс-служба металлургов. Впрочем, голос пресс-службы звучал все тише; замораживались счета. Власть вообще все больше и больше напоминала раздраженное животное, которое само не знает, кому внезапно залепит лапой — капризно, бешено вращая хвостом. Оркестр, между тем, играл, как на «Титанике» (квартет худосочных скрипачек, одетых как монахини, усадили в фойе), show must go on, премия по итогам прошедшего года вручалась. Необычность происходящего выдавало только обилие телекамер в фойе и у фасада здания. Никогда прежде скромное научное событие не привлекало такого внимания прессы. Лицо Кирилла подсветили искусственным солнцем, потому что они с ребятами стояли в тени. Подъемочка, подъемочка.

— Мама не знает, что я курю, — рассмеялся незнакомый парень, отбрасывая тонкую сигаретку. Типа пошутит. Молодец, да.

Происходящее в их скромненькой толпе не то что обсуждали. Так, изредка звучало фамильярное «Ген», развязные предположения, кому это он перешел дорогу, а большей частью — успеют ли выплатить положенное. Деньги перечислялись обычно позже, через научные учреждения, через два-три месяца. Ожидание вызывало досаду, но легкую.

Кирилл не позволял себе особо тревожиться из-за этих денег (хотя на них рассчитывал, и Яне по-

обещал), а просто подумал, что металлургический холдинг теперь умрет. Однажды, когда он ехал в Казань к родителям, вдруг подумал про железную дорогу как про такое... кладбище погибших кораблей. Его тогда долго-долго держали на какой-то станции среди цистерн, на которых — где поновее, где похуже из-за потегов нефти — было отчеканено, как на монетах: ЮКОС, ЮКОС, ЮКОС. Четыре буквы, искорененные везде, остались в тысячах копий, на чужих уже цистернах, прошедших долгий путь лизингов и субаренд, и никому не было дела до их перекраски. Как и несколько других брендов эпохи палеолита, о которых Кирилл в новейшем времени ничего не слышал...

Пригласили в зал.

На сотрудницу фонда, шагнувшую под софиты вместо Геновского («Евгений Александрович не смог прийти и передает вам искренние поздравления и привет», — и побежали понимающие кривые усмешки по залу), было больно смотреть. Высокая, большерукая, как будто не знающая, куда себя деть, в кремовом брючном костюме — такая бетаконья леди Ди, она говорила тихо, путано, словно шла по минному полю — об этом нельзя, об этом не надо. Телекамеры, гроздьями висящие в проходах, затаились, ожидая прокола — чтобы вечерние новости были погорячее.

Между тем трудно было соблюсти элементарные приличия.

— Уважаемый господин министр образования и науки Российской Федерации планировал участ-